

ЦИТАТА КАК АКТУАЛИЗАТОР АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОРЖЕСТВЕННЫХ СЛОВ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО)¹

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей цитации, актуализирующих авторское начало в древнерусском тексте. Рассмотрены основные структурные характеристики, функции и типы цитат. Выделены различные аспекты авторского отношения к «чужому» слову и специфика его использования в Торжественных словах Кирилла Туровского.

Ключевые слова: цитата, цитация, древнерусский текст, авторская интенция, Кирилл Туровский.

Цитата – одно из основных понятий современной теории интертекстуальности, которое определяется как «введение в оригинальный авторский текст чужого текста» [1, с. 87].

Основным признаком цитаты является осознание ее как «чужого» текста. Как отмечает Е. Б. Рогачевская, цитата может быть выделена эксплицитно (с указанием или без указания на источник; стилистическое выделение) или же чужеродность текста может иметь имплицитный характер, когда автор рассчитывает на фоновые знания реципиента [2, с. 16].

Вопрос о точности/неточности цитаты решается в науке двояко. В «Словаре русского языка» цитата определяется как «точная дословная выдержка из какого-нибудь текста, высказывания» [3, с. 876]. Точность как обязательный признак цитаты признается и в работах Е. Б. Рогачевской. По мнению же некоторых исследователей (Г. А. Левинтон, З. Г. Минц, Г. И. Лушникова и др.), данный признак не релевантен. Так, по словам Г. И. Лушниковой, цитатой называют также «видоизмененное (в художественной речи) воспроизведение отрывка из какого-либо текста» [4, с. 237]. Как справедливо отмечает Е. Б. Рогачевская, различия в трактовке термина «цитата» определяются материалом и целью исследования [2, с. 17].

Процесс взаимодействия «своего» и «чужого» в тексте имеет определенные особенности. С одной стороны, цитата подвергается воздействию внутритекстовых отношений, что приводит к различного рода трансформациям ее смысла [4, с. 237]. С другой – происходит семантическая модификация цитирующего текста в результате отсылки к контексту цитаты (Г. А. Левинтон, Е. Б. Рогачевская, Н. С. Валгина, Н. А. Белова и др.).

Цитата выполняет в тексте как смысловую, так и структурную роль. Исследователи (С. Д. Моравский, Н. С. Валгина, И. П. Смирнов, Е. Б. Рогачевская и др.) выделяют следующие функции цитаты: авторитарную (ссылка на авторитет), обрамляющую (эпиграф), орнаментальную, субститутивную, стилистическую, функцию отсылки к источнику.

Отношение к «чужому» слову, его функции и способы включения в текст исторически изменчивы. В древнерусской литературе «чужое» слово преобладает над авторским. Древнерусский книжник стремится скрыть свое авторское «Я» за авторитетным словом Священного Писания. При этом границы самого понятия «чужого» слова размываются. Как отмечает Ф. Н. Двинятин, «традиционный текст», представляющий собой «всю совокупность цитат, заимствований, источников, образцов, реминисценций, топики и т. д.», «лишен каких-либо указаний на внутреннюю гетерогенность («чужой текст»), что по отношению к средневековому православному сочинению было бы некорректно». Кроме того, он содержит и «указание на санкцию, благодаря которой явление становится возможным (традиция)» [5, с. 7].

Особое отношение к слову, «своему» и «чужому», присущее литературе Древней Руси, обусловлено христианским учением о Слове-Логосе: «Искони бѣ слово, и слово бѣ отъ Бога, и Богъ бѣ слово» (Ин. I, 1). Вся литература данного периода направлена на «богопознание»; она стремится выразить в слове «умонепостижимые духовные ценности», поэтому так ценится Божественное слово (Д. С. Лихачев, В. В. Кусков, О. Н. Бахтина и др.).

Священное Писание воспринимается в древнерусской культуре как «абсолютный, онтологический текст», служащий «образцом и моделью для всего культурного пространства» и прежде всего – для «стандартных церковнославянских текстов» [6, с. 40; 7, с. 69].

Как и в Библии, в произведениях древнерусской словесности выделяются два плана повествования: буквальный и символический, или, по словам Р. Пиккио, исторический и духовный. Средством соединения этих планов содержания являются так называемые «тематические ключи» (Р. Пиккио), состоящие из отсылок к Священному Писанию и другим авторитетным текстам.

Термин «тематический ключ», использующийся в современной концепции *Slavia Orthodoxa*,

включает как прямые цитаты, так и отдельные семантически маркированные слова и выражения, позволяющие привлечь внимание читателя «к другому контексту – содержанию библейского или святоотеческого текста» [8, с. 153]. «Тематический ключ» рассматривается Р. Пиккио как важный композиционный прием, предвещающий непосредственное изложение материала и определяющий дальнейшее развитие смысловых уровней текста.

Исследование особенностей цитации в древнерусском тексте неразрывно связано с решением вопроса о традиционности и компилятивности произведений данного периода, поскольку обилие цитат и других ссылок на авторитетные источники ставят под сомнение для некоторых исследователей (Г. М. Барац и др.) оригинальность памятников древнерусской словесности. Отрицание оригинальности и сведение всей работы автора к компиляции представляют собой одну из крайностей в решении проблемы.

Вопрос о традиционности и оригинальности древнерусских текстов должен решаться иначе. Как справедливо отмечает Ф. Н. Двинятин, «средневековый текст традиционен, эта традиционность закономерна и желательна, но в то же время не абсолютна. Именно вариативность держит традицию во времени и пространстве» [5, с. 7]. Оригинальность же, по словам В. Н. Топорова, проявляется в древнерусской литературе «на более высоких уровнях», прежде всего в композиции произведения. Ученый говорит о «гиперканоничности» текстов, подразумеваемая преобразование канона «сверху». Такой путь древнерусские книжники избирали чаще всего бессознательно, «пребывая в уверенности в своей преданности и верности Канону» [9, с. 290].

Поскольку использование цитат является основным композиционным приемом создания средневековых текстов, их роль и значение в представлении авторской позиции оказываются особенно значительными. Образуя в содержательном плане «общее место» в древнерусской литературе, в структурном плане цитаты репрезентируют различные аспекты авторского отношения к «чуждому» слову, что дает возможность выявить особенности оригинального решения традиционных задач.

Основными структурными характеристиками цитаты являются: 1) маркированность; 2) указание на источник; 3) определенный объем; 4) буквальность и степень небуквальности; 5) композиционные особенности введения цитаты в текст; 6) собственно стилистические особенности взаимодействия цитаты и контекста [5, с. 11].

Настоящее исследование проводится на материале Торжественных слов Кирилла Туровского, известного писателя, публициста, философа XII в. В произведениях Кирилла большая часть цитат вы-

делена как «чужой» текст эксплицитно. По подсчетам Е. Б. Рогачевской, «из выделенных цитат всего 9 – из Нового Завета (в тексте Торжественных слов 70 цитат из Ветхого Завета и 44 – из Нового Завета)». Исследователь делает вывод, что «Кирилл Туровский опирается на фоновые знания своих слушателей главным образом в том, что касается Нового Завета и Псалтири». Это объясняется большей популярностью и доступностью данных текстов по сравнению с Паремийными и Толковыми Пророчествами [2, с. 16].

Степень маркированности цитаты тесно связана с такими ее структурными характеристиками, как буквальность и объем. Все буквальные цитаты невелики по объему и, как правило, относятся к книгам Ветхого Завета. Из Нового Завета Кирилл Туровский заимствует целые фрагменты, которые творчески перерабатываются им, поэтому буквальные совпадения касаются здесь отдельных слов и выражений. Однако только при цитировании Нового Завета, по замечаниям Е. Б. Рогачевской, «контекст источника используется без семантических изменений», а фоновые знания слушателей помогают воспроизвести в сознании полную картину. Контекст же Ветхого Завета «воспринимается уже неоднозначно, а через призму Нового Завета и толкований» [2, с. 17–18].

Указание на источник цитации является для автора Слов не менее важным, чем сам текст. Материал исследования позволяет выявить, что маркированные цитаты преобладают в прямой речи и образуют один из функциональных типов цитации, который Ф. Н. Двинятин определяет как «сугубую» цитацию. С помощью таких цитат «во внутренней реальности текста что-либо доказывается или опровергается, они убеждают и обличают именно как отсылка к традиции» [5, с. 8]. «Сугубая» цитация выполняет в тексте прежде всего авторитарную функцию: «подтверждение сказанного авторитетным источником» [2, с. 18] и является основным средством расширения евангельских эпизодов. Использование «сугубой» цитации в прямой речи героев объясняется Е. Б. Рогачевской тем, что воспринимаются эти герои как реально существующие, поэтому и говорят они «реальным языком Писания» [2, с. 17]. Цитаты в их речи располагаются блоками и сопровождаются минимальными авторскими комментариями, связанными с ходом повествования и актуализирующими тему фрагмента. Минимальные авторские комментарии, замечания оценочного характера оживляют «сугубо книжную» речь героев. При этом автор чаще всего выбирает цитаты экспрессивно и эмоционально насыщенные, нередко использует их в вопросительных и восклицательных конструкциях («Не о сем ли – рече – писа Моиси» [10, с. 414]).

Прием «сугубой» цитации автор применяет к тем эпизодам, которые в Евангелии описаны довольно кратко. Так, эпизод о снятии тела Христова с креста во всех четырех Евангелиях не содержит разговора Иосифа с Пилатом, только в Евангелии от Марка сообщается о том, что «Пилат удивился, что Он уже умер» (Мр. 15.44). Кирилл Туровский с опорой на указанные в Евангелии факты и оценки поступков героев воссоздает диалог Иосифа с Пилатом. Прямая речь Иосифа состоит из целого блока цитат, в емкой форме передающих священную историю вочеловечения Христа, включая ветхозаветные пророчества о нем и евангельские события. Прагматическая функция цитат усиливается здесь за счет использования экспрессивно-оценочной лексики («оклеветанаго», «завистию», «льстию»), модальных глаголов («хощю»), личных местоимений («ми», «ты»). В одном случае цитату из Книги пророка Захарии автор расширяет более экспрессивным стихом из Евангелия от Матфея: «Дадите ми цѣну мою, ли отрѣцетеся; и поставиша 30 сѣребрникъ цѣну цѣннаго от сынов Израилевъ» [10, с. 421]. В речи Иосифа автор воспроизводит и диалог самого Пилата с Христом: «иже противу твоему отвѣща въпросу», «о нем же ты рече»; приводит слова жены Пилата, которая не просто просила, но молила о сохранении жизни Христу: «его же ради и тебе моляше своя жена, глаголюши» [10, с. 421–422]. Таким образом, Кирилл Туровский придает личностный оттенок речи Иосифа. Комментарии по поводу цитат обнаруживаются здесь и в обрамляющих контекстах: «дерзнув», «не просто сего прорече, нъ жрьць бѣ сего лѣта» [10, с. 421].

В «Слове на пасху» пересказ евангельского эпизода о явлении ангелов женам-мироносицам также расширяется за счет «вкрапления» в него цитат из пророков. Примечательно, что данные цитаты являются здесь, по словам Ф. Н. Двинятина, «прямой речью даже не второго, а третьего порядка» [5, с. 8]. Это слова, которые должны произнести мироносицы, но формально они звучат в прямой речи ангелов и присоединяются по единой синтаксической схеме: каждая цитата предваряется императивными формами: «Идѣте к апостолом и рѣте», «помяните пророка», «Идѣте и рѣте учеником», «Идѣте и рѣте апостолом» [10, с. 413].

Евангельский эпизод о явлении ангела женам-мироносицам встречается у Кирилла Туровского и в «Слове о снятии тела Христова с креста и о мироносицах». Автор также расширяет прямую речь ангела по схеме «рѣте апостолом». Однако расширение здесь происходит не за счет блока цитат. Можно выделить лишь единичные случаи стилистически маркированных цитат: «Възмѣте, врата, князи ваши, да вънидетъ цесарь славы!», «Кде ти, смерти, жало? Кде ти, аде, побѣда?», «Радуйта-

ся!». Остальная часть представляет собой авторское толкование евангельских событий: «Вам хощю тайны повѣдати божия челоуколюбия» [10, с. 423]. Непосредственно авторский голос проявляется в комментарии к образу, заявленному в предложении «Погубил есть князя тьмы и вся его всхытил скровища, разби смертный град, адово чрѣво, извоева плѣнники, иже съ Адамомъ съде, сущая грѣшных душа» [10, с. 424]. Автор рассматривает символическое значение крестной смерти Иисуса Христа. Доказательством того, что автор приписывает данные слова ангелам, является утверждение, завершающее данную часть повествования: «Си же вся от ангела реченая к мироносицам о Христвѣ съказахом» [10, с. 424].

В «Слове на антипасху» отмечается необычный для Кирилла Туровского прием нанизывания цитат, а пересказ ветхозаветных пророчеств. Небольшой евангельский сюжет о «Фоминѣ испытаньи ребр господних» превращается у Кирилла в целую драматическую сцену. В речи Иисуса Христа оживает ветхозаветная история. Причем используется здесь и прием доказательства от обратного: «а не буде невѣрен, яко же Валам», «и не буди невѣрен, яко Навходносор», «не буди невѣрен, но вѣрен» [10, с. 418]. Как отмечает М. И. Сухомлинов, автор «приводит разговоръ Иисуса Христа съ Фою, вставляя и собственныя восклицанія: «Подай персть твой сюда; посмотри на руки мои. О неизмѣримая высота благодати!» [11, с. 20]. Кирилл придает словам Христа личностный характер за счет включения личных местоимений («аз», «ми», «мною» и т. д.), экспрессивно-оценочной лексики («а в сердци о убийствѣ моемъ мысляше», «злии», «паки мзды ради прельстивься»), вопросительных и восклицательных конструкций, обращений («Фою», «о близнече»). Дополняется история вочеловечения, крестной смерти и воскресения Христа в ответе Фоми, который имеет четко выраженную композицию: начинается и завершается словом «вѣрую» и включает троекратный повтор лексемы «вижю». Данный повтор усиливает значение следующей цитаты: «Яко видѣв мя и вѣрова, блажени невидѣвшеи в мя вѣровавшеи» [10, с. 419].

В «Слове на собор святых отцов» «сугубая» цитация служит для опровержения ереси Ария и доказательства того, что Иисус Христос единосущен Богу Отцу. При этом Кирилл Туровский независимо от объема использует буквальные цитаты, в том числе из Евангелия, что является сознательной установкой автора дословно передать свидетельства о вочеловечении Христа. Такой прием придает словам святых отцов значительное превосходство над Арием, который «от своего ума, а не от святых книг извѣщал» [12, с. 345]. Авторские комментарии сопровождают цитаты, обличающие ересь

Ария и его последователей. В таких контекстах обнаруживается контаминация нескольких источников (Псалтирь, Деяния святых апостолов, Послания). Кирилл использует цитаты с яркой экспрессивно-оценочной семантикой: «яко в послѣдняя времена отступяць нѣции от вѣры Христовы научениемъ дѣмоньскомъ и духомъ неприязниномъ, лѣжесловесници, лицѣмери» [12, с. 346].

В цитатном блоке Кирилл Туровский соединяет, как правило, цитаты из различных источников, различные стихи из одного источника. Иногда цитата расширяется за счет авторских слов, актуализирующих значимые для книжника идеи и мысли. Так, в «Слове на антипасху» цитата из Исаяи продолжена следующим выражением: «в ребра прободен бых, да ребромъ падьша Адама въскресих» [10, с. 417]. Тема Адама как ветхого человека повторяется и в других Словах Кирилла Туровского.

При «сугубой» цитации автор строит предложения по единой синтаксической модели. Введение цитат всегда обосновано контекстом и связано с выражением причинно-следственных отношений («бо», «же», «яко же»). Все цитатные блоки композиционно завершены: «и се ему глаголющю» [10, с. 414], «Уже бо вся о немъ испълнишася пророчества», «И си вся слышавъ» [10, с. 422], «всѣхъ же главы оконъчеваеть Павъл, глаголя» [12, с. 342].

Второй тип цитации, обнаруживающийся в Торжественных словах Кирилла Туровского, – «пересказ евангельского эпизода, лежащего в основе повествования» [5, с. 8–9]. Как отмечает Ф. Н. Двинятин, «такие цитаты всегда календарно мотивированы, всегда относятся к Новому Завету, объем их всегда больше одного стиха» [5, с. 8]. В большинстве случаев автор указывает на источник цитат. Это может быть точная отсылка к автору («глаголетъ бо Лука евангелистъ» [10, с. 413]) или указание на общий тип книги («глаголетъ бо евангелистъ» [12, с. 331]). Однако цитация в этих случаях чаще всего неточная. Содержание евангельского эпизода Кирилл Туровский передает «съ сокращеніями и дополненіями» (М. И. Сухомлинов), нередко прерывая повествование авторскими комментариями.

В «Слове на пасху» пересказ строится как «контаминация текста названного Луки с текстом трех других авторов евангелий», причем «пересказ трижды прерывается авторскими комментариями и распространениями и трижды возобновляется» [5, с. 8].

Начало пересказа обозначено точной ссылкой на Евангелие от Луки: «Глаголетъ бо Лука евангелистъ». Авторский комментарий возникает по поводу цитаты из псалма («Ты, господи, воскрес, ущериши Сиона, яко приде время»): «не сего Сиона попираемого от вои глаголю, но церковь язычскую, юже своєю испукупил кровью, ей же никто не

удолѣтъ» и звучит в следующих словах, обращенных к мироносицам: «Не мните, акы Евзѣ прелеститися вам: она бо от змия совѣтъ прія, вы же от ангелъ слово слышите» [10, с. 413].

Вновь прерывается повествование авторским толкованием образов Иоанна и Петра как символов Ветхого и Нового Завета: «но проображаста бо собою ветхий и новый законъ» [10, с. 413]. Спокойный повествовательный тон нарушается здесь автором. Свое отношение и оценки он выражает в целом потоке восклицаний: «О горе, языче грѣшен! Како прельстися! Почитая пророки писавша о Христѣ не разумѣсте, и чаявшимъ свѣта бысть имъ тма! О лють души их, яко свѣщаша совѣтъ золъ о бозѣ живь!» [10, с. 414].

В третий раз авторский комментарий прерывает повествование о встрече двух учеников и Христа: «Яко же бо пастухъ, егда возлегъ мало поспити и вѣставъ видить рашедѣшюся чреду, и скоро всюду рищеть, да свое сбереть стадо, тако и Христосъ по воскресеніи ангелы и челоувѣки в едино собираетъ стадо» [10, с. 414]. Символический образ Христа как духовного пастыря дополняется здесь уподоблением смерти сну: «Воста бо яко спя господь и воскресе спасая ны» [10, с. 412].

«Принцип почастного распространения текстосновы комментариями и подробным развитием отдельных эпизодов» (Ф. Н. Двинятин) сохраняется и в других Словах Кирилла Туровского, использующих евангельские эпизоды в качестве сюжетной основы. Данные эпизоды, кратко описанные в Евангелии, расширяются в тексте Слов до целых драматических сцен, наполненных диалогами действующих лиц.

В двух Словах Кирилл Туровский использует в качестве сюжетной основы другие источники. Так, в «Слове на соборъ святыхъ отцовъ» источником является исторический материал: «яко же историци и вѣтия, рекше лѣтописьци и пѣснотворци» [12, с. 344].

В «Слове на Вознесение» в основе повествования лежат Деяния святых Апостолов [5, с. 8]. Как и в первых главах данной Книги, где речь идет о Вознесении Христа, его явлении ученикам и о сошествии Святого Духа на них, в «Слове» основными источниками цитации являются псалмы. Небольшие по объему стихи псалмов дословно цитируются автором «Слова». Используя материал «изъ Святого Писанія и церковныхъ пѣсней» (М. И. Сухомлинов), Кирилл Туровский создает целую картину Вознесения, из чего М. И. Сухомлинов делает вывод, что в развитии сюжета данного «Слова» «участвовало воображеніе болѣе, нежели въ другихъ словахъ того же автора» [11, с. 36–37].

Третий тип цитации, представленный в Торжественных словах Кирилла Туровского, – «немарки-

рованная цитата, библейские фрагменты, включенные в текст без какого-либо указания на их цитатный характер» [5, с. 9]. Преимущественно это фрагменты из Псалтыри и Нового Завета: «ветхая конец приаща, и се быша вся нова» [10, с. 416], «вся уметы створи... да Христа приобрящеть» [10, с. 421], «окованы нищетою и желъзомъ, – беззаконий бо ради своих смършася. Нъ скрушив врата адова Христос, от бѣд их избави я и узы их прѣторже, изведе я ис тьмы и сѣни смъртныя» [12, с. 341] и др. Данные выражения, заимствованные из священных книг, придают речи автора дух «богдохновенныхъ книгъ».

Особую группу цитат представляют, на наш взгляд, отдельные маркированные цитаты, основная функция которых состоит во введении символических образов, комментируемых в авторском тексте. Так, в «Слове на неделю цветоносную» данную функцию выполняют следующие цитаты: «Радуйся зѣло, дщи Сионова! Се бо цесарь твой грядеть кроток, всѣд на жребца ун» (Зах. 19, 9) [10, с. 409]; «Днесь предъидущие и всѣльдующеи въсклицають, глаголющее...» (Мф. 21, 9) [10, с. 410]. Значение таких цитат определяется авторской установкой на толкование различных фрагментов Священного Писания, стремлением подчеркнуть в них смыслы, актуальные для молодого христианского государства: «жребя же иже от языкъ вѣровавше вонь людье, их же, послав апостолы, отрѣши от лъсти дьяволя» [10, с. 409]. Такие цитаты нередко сопровождаются лексемами типа «разумби», «назнаменуя».

Кроме того, в «Слове на Вознесение» и «Слове памяти святых отцов Никейского собора» отмечаются цитаты, определяющие творческую установку автора: «Приди ныня духомъ, священный пророче Захарие, начаток слову дая нам от своих прорицаний о възнесении на небеса господа бога и спаса нашего Исуса Христа! Не бо притчею, нъ явѣ показал еси нам, глаголя» [12, с. 340]. Такое вступление в «Слове на Вознесение» определяет особенности авторского повествования, его стремление детально («явѣ») воссоздать картину Вознесения. В восьмом Слове установка автора на то, что «ничто же бо от своего ума» не вписать, подтверждается цитатой «Отвързи уста своя и напльню я» [12, с. 344].

Нередко отдельные цитаты повторяются в тексте несколько раз. Основная функция таких цитат – «орнаментально-организационная» [2, с. 19]. В «Слове на неделю цветоносную» обрамляет повествование цитата из Мф. 21.9: «Осанна сыну Давыдов, благословен грядый во имя господне!» [10, с. 410–411]. Как можно заметить, участники действия произносят различные части цитаты, что является проявлением словесной вариативности, свойственной всему творчеству Кирилла. В «Слове

об Артосе» такую же функцию выполняет немаркированная цитата из апостола Павла: «Днесь ветхая конец приаща, и се быша вся нова, видимая же и невидимая» [10, с. 416–417].

Для автора Слов характерно соединение в одной фразе нескольких стихов из одного или разных источников. Так, говоря «Не разумѣша Софонья чтуща» [10, с. 410], Кирилл Туровский приводит фразу, составленную «из словосочетаний, известных по Соф. 3.14, Мал. 3.1, Дан. 6.26». По словам Е. Б. Рогачевской, «Кирилл Туровский позволяет себе не изменять тексты «Писания», а сокращать и совмещать их по своему усмотрению в соответствии со своей художественной задачей» [13, с. 101]. Такая контаминация отдельных выражений из священных книг призвана более ярко выразить основную мысль произведения; соединение в одной фразе различных стихов может привнести новые смыслы, которых не было в данных стихах источника.

Кирилл Туровский не всегда точно передает содержание источника. Так, в «Слове на пасху» изменяется субъектная перспектива цитаты из Осии VI, 1–3: «И ицьлит ны и по двою дньню» [11, с. 14] – «и по двою дньню ицьлив мир» [10, с. 413]. Изменение цитаты из Софонии (Софон. III, 8) приводит к акцентуации важной для писателя мысли о новом Сионе: «зане судъ мой въ сѣньмища языкъ прияти царя» [11, с. 14] – «зане милость моя уже на языкѣхъ» [10, с. 413].

Интенции автора проявляются особенно ярко в контекстах, окружающих цитаты. Все представленные в текстах Слов Кирилла Туровского авторские комментарии по поводу цитат можно условно разделить на содержательные и оценочные. Комментарии содержательного плана связаны прежде всего с толкованием отдельных образов, разъяснением значения приводимой цитаты: «Радуйте бо ся – рече – съ мною, яко обрѣтох изгыбѣшнюю драгму, *сирѣчь* душа всѣх челоуѣк по отечествием языкъ», «и внидоша по възкресении в святыи град, *сирѣчь* в небесный Сион» [12, с. 341]. «*Си же бѣ* образ святаго крещения... всѣм дающи ицьление от грѣховныхъ недугъ» [12, с. 332].

Оценочные замечания, обнаруживаемые в окружающих цитаты контекстах, характеризуют: 1) субъекта, в устах которого они звучат («не яко лжю мня не вѣроваше, но и самовидецъ хотя быти Христу, тако глаголаше», «Тѣмъ и господь не понося ему сице глаголаше» [10, с. 417]); 2) особенности передачи «чужого» слова («Давыд же, акы старейшина ликов, уяшня пѣсенные гласы, глаголетъ»; «и акы проводящи любимано въпиеть» [12, с. 342]); 3) подчеркивают авторитетность источника («Софонья чтуща» [10, с. 410], «почтенаго нам ныня от Иоанна Фелога» [12, с. 336], «видьць же сим бысть Павълъ» [12, с. 341]).

Для введения цитаты Кирилл Туровский преимущественно использует эмоционально-оценочные конструкции, что характерно прежде всего для «номинации социально значимых речевых актов» [14, с. 25–26]: «пророци же радостию ликують, глаголюще» [10, с. 412]; «жалостью глаголаху», «преподобнии възглашають», «првдници велегласують» [12, с. 342] и др. Отметим здесь один случай, когда автор изменяет глагол, предваряющий «чужое» слово. В Евангелии от Матфея читаем: «зъваху, глаголюще» [11, с. 6]. У Кирилла же представлен вариант более экспрессивный: «въсклицаютъ, глаголюще» [10, с. 410].

В традициях древнерусской литературы автор передает «чужое» слово с помощью глаголов со значением говорения: «глаголати», «рече». Последнее чаще всего употребляется в Словах Кирилла Туровского не в предикативной, а в модальной функции как «средство указания на чужую речь, цитату» [15, с. 14].

Глагол «писати» используется автором Торжественных слов 16 раз, из них 14 случаев относятся к цитатам из Ветхого Завета. При этом, говоря о книгах пророков, Кирилл Туровский называет их «пророческая писанья» (ср. «словеса бо евангельская»). Такая закономерность обусловлена, видимо, тем, что сама философия слова-логоса более ярко репрезентирована в Новом Завете, тогда как в Ветхом Завете заповеди Божии были зафиксированы письменно: «дал ему две скрижали откровения, скрижали каменные, на которых написано было перстом Божиим» (Исх. 31, 18).

Таким образом, характерной чертой авторской

манеры Кирилла Туровского является творческое переосмысление канонических текстов. На основе кратких евангельских сюжетов автор создает цельные драматические картины, насыщенные диалогами библейских героев. Автор расширяет и обновляет приводимые им цитаты, акцентируя в них то, что значимо для реализации его художественных задач.

Использование Кириллом Туровским значительного числа источников создает многоголосие и диалогичность текста, что актуализировано и в семантике глаголов: «Вчера с Логином *возвахом...* – днесь со ангелы *глаголем...* днесь яко Марья радостныя глаголы *слышим...*» [10, с. 414]. Кроме того, цитаты выполняют и функцию связи времен, когда прошлое «оживает» в настоящем, в момент произнесения речи, что достигается многократным повторением лексем «ныне» и днесь».

Сознательная установка автора на использование значительного числа цитат из авторитетных текстов, виртуозность его «мозаичной техники» (В. Н. Топоров) репрезентированы в метафоре «словеса бо евангельская пища суть душам нашим... Тъмь же и мы, убозии, тоя же трапезы останков *крупиць въземлющеи, насыщаемься*» [10, с. 409]. Кирилл Туровский по «крупиць» из священных книг создает оригинальные вариации на традиционные темы. Следовательно, цитация подчиняется общестилистическому приему торжественного красноречия, особенно ярко представленному в творчестве Кирилла Туровского, – приему риторической амплификации, что проявляется в нанизывании цитат, соединении стихов из различных источников.

Список литературы

1. Валгина Н. С. Теория текста: учебное пособие. М.: Логос, 2003. 173 с.
2. Рогачевская Е. Б. О некоторых особенностях средневековой цитации (на материале ораторской прозы Кирилла Туровского) // Научные доклады высш. шк.: Филол. науки. 1989. № 3. С. 16–20.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
4. Лушникова Г. И. Специфика вариативности цитаты в художественном тексте // Явление вариативности в языке: мат-лы Всерос. конф. (13–15 декабря 1994 г.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. С. 237–242.
5. Двинятин Ф. Н. Лингвопоэтический анализ Торжественных слов св. Кирилла Туровского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 1996. 18 с.
6. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII в. М.: Языки русской культуры, 1996. 591 с.
7. Алексеев А., Лихачева О. Библия // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.) / АН СССР. ИРЛИ / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. С. 68–83.
8. Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*: Литература и язык / отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин; ред. М. М. Сокольская. М.: Знак, 2003. 720 с.
9. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис – Школа «Языки русской культуры», 1995. 875 с.
10. Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. Т. 13. С. 409–426.
11. Сухомлинов М. И. О сочинениях Кирилла Туровского. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1858. 68 с.
12. Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. 15. С. 331–348.

13. Рогачевская Е. Б. Использование Ветхого Завета в сочинениях Кирилла Туровского // Герменевтика древнерусской литературы XI–XVI вв. Сб. 1. М.: АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 1989. С. 96–105.
14. Калимуллина Л. А. Диахронический аспект семантической деривации (на материале эмотивной лексики древнерусского языка) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2006. № 5. С. 21–27.
15. Камчатнов А. М. Форма аориста «рече» как знак цитации в древнерусских текстах // Древняя Русь. 2004. № 1. С. 14–16.

Трапезникова О. А., соискатель.

Кемеровский государственный университет.

Ул. Красная, 6, г. Кемерово, Кемеровская область, Россия, 650043.

E-mail: trapeznikova-olg@mail.ru

Материал поступил в редакцию 29.11.2010.

О. А. Trapeznikova

**CITATION AS ACTUALISATOR OF THE AUTHOR'S INTENTION IN OLD RUSSIAN TEXT
(DATA OF KIRILL TUROV'S SPEECH)**

The article covers peculiarities of citation which actualizes the author's intention in Old Russian texts. Structural characteristics, functions and types of citations are considered. Different aspects of the author's attitude towards a «strange» word and the specific character of its use in Words by Cyril of Turov.

Key words: *citation, Old Russian text, author's intention, Cyril of Turov.*

Kemerovo State University.

Ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Kemerovo region, Russia, 650043.

E-mail: trapeznikova-olg@mail.ru